

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИСКОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ЗНАЧИМЫЕ ФАКТОРЫ

THE OCCURRENCE OF RISKS IN SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT: THE MAIN CAUSES AND SIGNIFICANT FACTORS

A. Mayakova

Summary. The article discusses the causes and factors of socio-cultural risks in the post-industrial stage of development of society. The author identifies two key features of post-industrial society — digitalization and economization. The study proposes and argues the use of the basis and postulates of the theory of complexity as a methodological basis, and also defines an important attribute of socio-cultural risks — uncertainty. The publication was prepared with the support of the Grant of the President MK-240.2019.6 «Transdisciplinary model of sociocultural risk management».

Keywords: risk, sociocultural risk, digitalization, economization, complexity theory.

Маякова Анна Васильевна

*К.ф.н., н.с., Юго-Западный государственный
университет (Курск)
BerryAnnett@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются причины и факторы возникновения социокультурных рисков в постиндустриальном этапе развития социума. Автор выделяет две ключевые особенности постиндустриального общества — цифровизацию и экономизацию. В рамках исследования предлагается и аргументируется применение в качестве методологической базы основы и постулаты теории сложности, а также определяется важный атрибут социокультурных рисков — неопределенность. Публикация подготовлена при поддержке Гранта Президента МК-240.2019.6 «Трансдисциплинарная модель управления социокультурными рисками».

Ключевые слова: риск, социокультурный риск, цифровизация, экономизация, теория сложности.

Понятие «риск» логично вписалось в категориальный обиход современного человека и общества, подразумевая сложность и безапелляционность постоянно возникающих проблем: обострение напряженности в деятельности социальных, экономических, культурных, политических сложных систем, повышение вероятности их ненадлежащего развития и возникновение, связанных с этим развитием, несоответствий. Данный факт актуализирует задачи исследования рисков, связанных прежде всего с социальной жизнью человека, поскольку эта сфера является образующей для современного человека. Исследования рисков социальной сферы распространяются на риски целого спектра типологии: экономические, политические, социальные, культурные, а также на их синтез — социокультурные, социо-экономические, социо-политические и другие. В данном исследовании остановимся на социокультурных рисках. Задача исследования рисков не ограничивается их идентификацией, а выходит на уровень оценки, контроля и управления рисками, и как следствие, поиска механизмов нейтрализации и преодоления порождаемых ими кризисных событий.

Положительная динамика расширения сфер и типов риска характеризует задачу управления рисками не столько как локальную проблему, сколько в виде системного (сложносистемного) явления. В связи с этим на первый план выходит выявление факторов возникновения и развития социокультурных рисков, позволя-

ющих не только определить актуальные и целесообразные основания воплощения и выполнения рискованных стратегий в конкретных сферах социальной жизнедеятельности, но и представить архитектуру рискогенного потенциала постиндустриального общества (культурных и социальных элементов) в целом. Решение данной проблемы не представляется возможным без актуализации фундаментальных положений функционирования социальной системы постиндустриального общества. Один из ключевых трендов ее развития — тотальная цифровизация. Современный философ-программист китайского происхождения Йук Хуэй недавно представил на суд мирового научного сообщества книгу «On the Existence of Digital Objects» («О существовании цифровых объектов»), в которой поднимает актуальные «острые» современности. Что мы знаем о ситуации современности? Знаем ли мы, что такое дигитальный объект и дигитальная среда? Умеем ли мы обращаться с этими объектами, ориентироваться в этом пространстве? Может быть, узнав эти новые вещи как подручные, мы поймем, что от нас требуется не снисходительное их принятие или высокомерное отвержение, но — забота о них, бытие с ними? [1] Сам же автор и совершает попытки ответов на эти вопросы. По мнению Йука Хуэя «дигитальные объекты — это новые производственные объекты, которые составляют нашу повседневную жизнь, это просто данные, формализованные в терминах «объектов», то есть это некое единство, состоящее из множества формаль-

ных свойств, для примера, профиль Facebook, образ Instagram и т.п. Дигитальная среда — условия, в которых эти объекты функционируют и в которых мы сами живем, но в отличие от «естественной среды обитания» каузальности здесь могут быть легко материализованы и просчитаны. Я полагаю, мы живем в эпоху, в которой концепт природы становится проблематичным. Я буду утверждать, что для дигитальности большее значение имеет не бинарность или дискретность, но скорее понятие данных, и прогресс цифровых технологий связан с продвижением в управлении данными» [1]. Данная точка зрения представляется весьма интересной в разрезе современных исследований, поскольку перенаправляет научно-практическую сферу на переосмысление философской проблематики цифровой реальности как действительности «Big Data», нашего смыслопорождающего взаимодействия с ней в реальном времени здесь и сейчас. И тогда эта реальность становится процессуальной, интерактивной, динамичной и эмерджентной.

Еще одним важным аспектом цифровизации постиндустриального общества является топологический поворот, в контексте которого возникли такие понятия (исследовательские направления) как социальная топология, топология культуры. Культура как сложная система взаимодействующих и воплощенных знаков и значений, как символическое поле общественной жизни обладает смысловым суверенитетом от отдельного человеческого бытия. Социальное бытие не обособлено, а продолжает свою жизнедеятельность в качестве эмерджентного целого под влиянием культуры. Современный ученый-философ С.А. Азаренко в своем исследовании ввел и аргументировал новый термин «топологема», подразумевающий такое место или местонахождение, в котором подвижно сосуществуют, самоорганизовываясь, различные места, порождающие неповторимое совмещение «мест» отдельной культуры [2]. Подобные суждения логично вписываются в методологию теории сложности — одного из ведущих направлений исследования постнеклассической науки. Данный факт еще раз подтверждает междисциплинарные взаимосвязи актуальных исследований науки и философии.

Наряду с цифровизацией постиндустриальная стадия развития общества характеризуется всеобщей «экономизацией», распространяющейся не только на социальную сферу, но и охватывающей научную область. Таким образом, активное распространение экономических постулатов и тенденций на внеэкономические виды деятельности человека и общества влечет за собой тотальное преобразование социума, определяемое высокой степенью неопределенности как антропологических, так и культурно-цивилизационных ожиданий. Подобные трансформации наблюдаются и на современном этапе развития постнеклассической науки.

Учитывая «экономизацию» постиндустриального социума, нельзя не отметить в исследовании социокультурной сферы возникновения рисков, что область хозяйственно-экономической деятельности постиндустриального общества масштабно расширилась, в связи с чем возрастает необходимость специального изучения корреляций экономической и неэкономических сфер жизнедеятельности социума, а также характеристика их аналогичной и несхожей эволюции, потенциальных социокультурных и антропологических исходов. В связи с этим возрастает ценность осмысления антропологического смысла социальных преобразований, происходящих под влиянием идеологии и практических результатов «экономоцентризма», которую можно определить как «специфическую социокультурную парадигму, сформировавшуюся в новоевропейский период развития социума и приобретающую доминирующее значение в системе современных социальных отношений, — а также масштабов и характера проистекающих отсюда антропогенных преобразований культурно-цивилизационных условий жизни общества» [3].

Явление «экономоцентризма» обозначено в постнеклассической науке как экспансия экономизма (в узком смысле), при этом данный феномен еще до конца не изучен, если не сказать больше — очень мало изучен и не ассимилирован современной философией. В связи с этим «экономоцентризм» становится все более интересным не только с научной и философской точки зрения, но и с позиции социума. Различные попытки теоретического обоснования и транспонирования «экономоцентризма» в междисциплинарную область научного и философского знания породили многообразие диссонирующих взглядов и суждений по поводу этого уникального феномена. Более того, недостаточно успешное преломление уже существующих методик и методологий исследования через призму «экономоцентризма» обусловило один из основных атрибутов этого явления — неопределенность. Эта неопределенность выражается во многом; применимо к социокультурной сфере — «неопределенность оценок нынешнего состояния и будущего как европейской, так и отечественной культуры, ставит исследователей перед необходимостью глубокого проникновения в суть осуществляющихся преобразований» [4].

Неопределенность является одной из тех черт, которые объединяют несколько актуальных направлений исследования в междисциплинарном ракурсе. Так, говоря об «экономоцентризме» мы подчёркиваем, что неопределенность имеет место во внеэкономической сфере постиндустриального социума и выражается в корреляции от тенденций увеличения поля деятельности феномена в социокультурном пространстве.

Единство многообразия порождает неопределенность — характерную черту постнеклассической философии, подробно рассматриваемую в ракурсе науки о качественных изменениях — синергетике и теории сложности [5]. Отечественный философ В.И. Аршинов, акцентируя внимание на «неопределенности» теории сложности, фокусирует внимание на «полуматематическом» уравнении с одним неизвестным: «синергетика — это X-наука» [6]. Феномен X-науки заключается в специфичной конкретике множества X. С одной стороны, множество является открытым и незавершенным, а с другой — «неопределенным в качестве актуального» [6]. При этом В.И. Аршинов говорит о великой миссии синергетики в рамках философии и постнеклассической науки — создание контекста «междисциплинарного сотрудничества и диалога» [7]. В этой связи рассуждения о сущности и соотношении философии и науки приобретают новый облик: установление границ, выявление значимости философии и науки изначально не ассимилируется синергетикой, поскольку идет вразрез с основной идеей и великой миссией синергии. По мнению ученого, только компромиссным подходом к подобным спорам и дискурсам можно добиться созидания так называемой «метамодели междисциплинарной коммуникации» [8]. Подобное отступление к теории сложности от общей темы исследования целесообразно, поскольку выделяет атрибут неопределенности как связующую нить многих исследований постнеклассической науки и философии, а также аргументирует релевантность сложностного подхода в исследовании социокультурных рисков постиндустриального социума.

Исследование (анализ) социокультурных рисков с позиции теории сложности можно сравнить с изучением многоагентной системы. Изначально агенты понимаются как «черный ящик» сложной системы, в котором известны правила, которые регулируют их индивидуальное поведение. Правила, которых придерживаются агенты, могут быть просты относительно комплекса. Они могут быть детерминированными или вероятностными. Очевидно, что агенты независимы, целенаправленны или имеют какую-либо ценность при внешнем воздействии иными агентами. Но агент не имеет интеллекта или какого-либо «психического» качества, поэтому агентов можно представить в виде системы. Агентами могут выступать не только корректирующие мероприятия различного рода, но и процедуры предварительного анализа и сами риски. Агенты взаимодействуют только с небольшим количеством других агентов, которые образуют их локальную окрестность. Тем не менее, длительные локальные действия имеют глобальные последствия, влияющие комплексно на систему в целом. Такие глобальные последствия, по определению, невозможны на уровне агента в рамках эмерджентизма: они не могут возникнуть из локальных правил (качеств), кото-

рые определяют поведение агентов. Это более понятно в рамках следующих наблюдений. Во-первых, целевые агенты взаимонезависимы, и поэтому часто находятся в состоянии конфликта: действие, которое, напрямую приведет к цели А, может помешать в достижении цели В, и, следовательно, вызвать активное сопротивление агентов В [9]. Локальные действия могут распространить свое влияние шаг за шагом к более удаленным агентам, таким образом, распространяясь по всей системе управления социокультурными рисками, образованной агентами и их взаимоотношениями. Такие же действия будут в целом иметь различные эффекты в разных частях системы в разное время. Предположим, что система имеет внутренний нелинейный характер. Это означает, что причина и следствие возникновения риска не пропорциональны. С одной стороны, небольшая вероятность возникновения риска может быть усилена глобальным эффектом положительной обратной связью, или «автокатализатором». Такая чувствительная зависимость от начальных условий, которую часто называют «эффектом бабочки», является одним из признаков детерминированного хаоса, то есть непредсказуемые исходы события произведены локально детерминированными процессами. С другой стороны, обратная связь может быть отрицательной, и высокая вероятность возникновения риска будет подавлена, что может привести к стабилизации состояния системы, другими словами произойдет минимизация или устранение риска либо его последствий [9]. Исходя и представленного выше, исследование (анализ) социокультурных рисков можно назвать сложной самоорганизующейся системой с четырьмя возможными положительными исходами событий:

- 1) возникновение нового риска происходит без внешнего участия субъекта (в идеальных условиях), а под действием внешнего или внутреннего фактора (агента), регулируется посредством внешних или внутренних факторов (агентов);
- 2) возникновение нового риска происходит без внешнего участия субъекта (в идеальных условиях), а под действием внешнего или внутреннего фактора (агента), регулируется субъектом;
- 3) возникновение нового риска происходит под внешним участием субъекта, но регулируется внутренними факторами (агентами) системы;
- 4) возникновение нового риска происходит под внешним участием субъекта и регулируется им же.

Сложностный и социогуманитарный подход в исследовании социокультурных рисков подразумевает бесконечность либо цикличность: новая технология → новый риск → новый инструмент по предупреждению риска → новый риск → На основании сложностного подхода В.И. Аршинова [10], многоуровневого представления кризиса В.В. Жерихина и А.С. Раутиана [11] и «формулы» управления рисками можно выделить нестабильную,

деструктивную и организационную стадии возникновения и управления рисками. Нестабильная стадия характеризуется повышенной чувствительностью к риску за счет возникновения новой технологии и попытки ее применения. Проводя аналогию с теорией сложности, отмечаем, что данное явление представляет собой характеристику сложности — неопределенность [12]. Деструкция на данном этапе слабо выражена и определяет начальный этап возникновения риска. То же наблюдается и в начале деструктивной стадии. Необратимая деструкция проявляется на деструктивной стадии, когда вероятность возникновения риска приобретает глобальный характер и переходит через уровень устойчивости системы, если говорить на языке теории сложности. Данная стадия представляет собой реальный риск. Именно на деструктивной стадии зарождается сложностное качество [12] и начинается процесс перехода хаоса в порядок — самоорганизация. Когда оформление сложностного качества завершается и самоорганизация начинает превалировать над деструкцией, риск характеризуется стремительным множеством слабо упорядоченных изменений. Данный этап определяется как стихание риска под влиянием нового инструмента по предупреждению риска. Минимизация или устранение риска характеризуется организационной стадией. На данном этапе приостанавливаются все процессы внутри системы, фиксируется новое сложностное качество и складывается устойчивый, качественно новый набор подсистем и элементов системы. Другими словами, наблюдается утверждение и применение нового инструмента по предупреждению риска, по результатам которого происходит формирование сложностного качества и нового риска, после чего вновь возникает нестабильная стадия неопределенности. Таким образом, данный процесс является циклическим с возникновением новых сложностных качеств и рисков.

Неопределенность также является атрибутом антропогенных трансформаций постиндустриального общества: ментальные, социальные и прикладные принципы и практики «экономоцентризма» играют роль структурных элементов сложной системы, определяющих новый тип человека — «*homo economicus*'a» [3]. Говоря языком теории сложности новый тип человека представляет собой главный актор сегодняшних и будущих изменений. Не взирая на то, что понятие «*homo economicus*'a» изучено и охарактеризовано учеными различных философских и экономических научных школ, задача экспансии проблемной области исследований остается актуальной и целесообразной. Например, вопрос идентификации, развертывания и оценки социокультурных рисков, возникающих под влиянием социальных инициатив «*homo economicus*'a» является недостаточно изученным. Если провести сравнительный анализ понятий «*homo economicus*'a» и «экономический человек», то можно сделать интересный вывод. На сегодняшний день в социуме

наблюдается некое превращение «экономического человека» из «оболочки» личности во все более распространенный в рамках постиндустриального общества тип личности. Данный тип личности в большей или меньшей степени репрезентативен в различных уровнях социальной стратификации и склонен к тенденции эволюции, проходящей комплементарно социально-экономическим и социокультурным преобразованиям в обществе.

Не смотря на атрибутивность неопределенности в «экономоцентризме», производственно-экономическая система как таковая такого атрибута не имеет. При этом именно неопределенность выражает эпистемологический статус производственно-экономической системы, подвергая рефлексии систему выстроенных абстракций, разделяющих социогуманитарное познание и его объекты. Преодоление этого разделения между существующими знаниями об «экономоцентризме» и их производственно-экономическим базисом является сложной современной задачей философии и постнеклассической науки в целом. Возможное решение кроется в вовлечении в область исследования эвристических принципов философии хозяйства с целью осмысления явления «экономоцентризма» в ракурсе сегодняшнего уровня знаний о «месте человека в природе и природы в человеке» [8]. Реактуализация и прикладная реализация принципов философии хозяйства даст возможность не только выявить генезис и оценить развитие экономоцентричного социума, но и выработать стратегии управления и предотвращения возникающих социокультурных рисков, присущих постиндустриальному обществу, а также сгенерировать типы субъектов, имеющих возможности решить подобные задачи. Обращая внимание на другой аспект постиндустриального общества — цифровизацию можно сказать, что разрастание поля влияния и поглощения цифровизации ориентировано на повышение качества всех сфер жизни человека и общества, поскольку должна сформироваться четкая возможность существенно увеличить объем ресурсов, доступных для применения в социальных процессах, за счет чего должно многократно увеличиться качество жизни. Однако, данный процесс не только грозит возникновением социокультурных рисков по окончании процесса, но и риск станет сопутствующим и трудно прогнозируемым. Данная проблема стоит перед мировым научным сообществом очень остро, поскольку в цифровизацию вовлечены и вовлекаются в настоящее время все больше и больше государств. Специалисты видят решение проблемы в полной трансформации всех социальных (социокультурных) процессов, однако изначальная задача сводится к, казалось бы, простой проблеме — идентификации рисков. Однако на практике это сделать весьма тяжело, поскольку неопределенность является одним из важных, если не сказать ключевых атрибутов социокультурных рисков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hui Y. On the Existence of Digital Objects. 2016. 332 с.
2. Азаренко С. А. Социальное воспроизводство и топология предела // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2018. Т. 13, № 3 (179). С. 27–37.
3. Семерник С. З. Экономцентризм как доминирующая мировоззренческая установка современного социума // Сервис plus, Т. 8, Вып. 3, 2014, С. 81–88.
4. Семерник С. З. Наука и образование: экспансия экономизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Вып. 146, 2012, С. 188–194.
5. Маякова А. В. Теория сложности как высшая ступень синергетики // Аспирантский вестник Поволжья. 2016. — № 3–4. — С. 106–113
6. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999. 203 с.
7. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Синергетика: эволюционный аспект // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994. С. 229–243.
8. А. И. Герцен Сочинения: в двух томах. Т. 1 М.: Мысль, 1985, 592 с.
9. Асеева И. А., Маякова А. В. Философские основания и методологические ресурсы новой парадигмы сложности // Философия и культура. 2015. № 8. С. 1117–1125.
10. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть вторая // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 1. С. 78–91.
11. Котляков В. М., Жерихин В. В., Раутиан А. С. Анатомия кризисов. Гл. III: Кризисы в биологической эволюции. М.: Наука, 1999. С. 29–51.
12. Маякова А. В. Применение сложностного качества в прикладных науках о качестве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 4 (21). С. 271—279.

© Маякова Анна Васильевна (BerryAnnett@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Курск